

© 1993 г.

В.И. ШАМШУРИН

ИДЕЯ ПРАВА В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПИ. НОВГОРОДЦЕВА

ШАМШУРИН Виктор Иванович — кандидат философских наук, редактор отдела и член редколлегии журнала «Социологические исследования». Неоднократно публиковался в нашем журнале.

«Не обетованная земля, а непреклонная личность, такова наша последняя опора»

П.И. Новгородцев

При оценке взглядов П.И. Новгородцева (1866—1924), главы Московской школы юриспруденции, представителя школы классического консервативного либерализма русской социальной философии естественного права¹, следует иметь в виду его особый интерес и к анализу современных ему (и нам тоже!) социально-политических, правовых идей в контексте изучения их истории, и к философской значимости этих идей в жизни конкретного человека². Эта особенность составляла характерную черту его мировоззрения и служила своеобразным философско-методологическим руководством в конкретных гуманитарных изысканиях — касаются ли они социума, права, истории, философии и т.д.: «Говоря точнее, основное правило исторической методы при объяснении идей следовало бы сформулировать так: исходя из фактов исторической действительности, не подставлять их в качестве исчерпывающих методов под абстрактные теории; прослеживая длящиеся традиции и постепенно накапливающиеся впечатления мысли, не стараться сводить исключительно к ним всю систему идей писателя; говоря о конкретных поводах к образованию естественной теории, не отыскивать во что бы то ни стало их отражения даже и в наиболее отвлеченных вершинах философской мысли. При этих условиях историческое изучение доктрин получит тот вид, на который нас единственно уполномочивает точная метода: не отваживаясь давать исчерпывающих объяснений, мы будем говорить лишь о замеченной нами связи идей с историческими условиями».³

Таков метод Новгородцева. Что касается социально-правовой конкретики, то, по его мнению, чтобы избежать в общественных делах субъективизма и произвола, нужна не только традиция. Необходимо установить высшую, безусловную в праве норму, которая могла бы служить нравственным основанием в обществе и абсолютной санкцией в законодательстве. Таковой нормой, заключает Новгородцев, может быть только «принцип личности», этот краеугольный камень либерального индивидуализма. Определение истинно индивидуальных, особенных черт каждой конкретной личности является следствием процесса, «развития принципа свободы, присущего индивидуализму». Новгородцев подразумевал под этим свободу самопроявления, свободу утверждения каждой личностью собственной неповторимости, иначе говоря, нечто большее, чем политическая или экономическая свобода; истинно личностная свобода противостоит свободе исполнения

определенных социальных ролей, обусловленных самой природой политических и экономических систем. И именно на соблюдение прав и свобод личности должны быть направлены законодательные гарантии права на достойное существование, писал Новгородцев в одной из своих лучших книг «Кризис современного правосознания» (1909).

Новгородцев доказал, что сама по себе идея правового государства должна быть в первую очередь основана на двух предпосылках: на суверенитете народа и на принципе индивидуализма. При этом он предостерегал: борьба за социальные права, выдвинутые в концепции «права на достойное существование» Вл. Соловьева, не должна обратиться в опасные и разрушительные иллюзии установления рая на земле. Предостерегал Новгородцев, и совершенно справедливо, от опасности индивидуализма с субъективизмом, поскольку философская неясность в подобных вопросах губительна и для юридической практики. Субъективизм, «психологический подход» к следствию плодит произвол и насилие.

Известно, например, какие сомнения и критические замечания вызвал у русских мыслителей — как правоведов, так и философов, сторонников естественного права и «Московской», и «Петербургской» школ — эмпирический психологизм Л.И. Петражицкого. Особенно в этом плане показательны взгляды кн. Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева и др.

Трубецкой, например, совершенно резонно полагал, что, оставаясь на почве эмпирической психологии, эмпирического наблюдения, мы имеем дело с фактами; из фактов же нельзя вывести долженствования. В теории Петражицкого, считал он, отсутствуют всякие границы между правом и правовым убеждением. «Психологические состояния» как факты права не обладают всеобщностью и необходимостью субъективно-эмпирического характера. Только закон разума имеет всеобщее, для *всех* обязательное значение: «а потому остается допустить, что правовой порядок так или иначе утверждается на этом законе: иначе придется признать, что право в целом его составе ни для кого не обязательно, иначе говоря, что нет вообще права»⁴.

П.И. Новгородцев также был против субъективистских тенденций в философии естественного права Петражицкого. Он утверждал, что юриспруденция издавна занималась логическим анализом правовых отношений и была наукой нормативной; когда же Петражицкий предлагает ей заняться психологическим анализом правовых переживаний, волеизъявлений и стать наукой каузальной, то тем самым он упраздняет автономию юриспруденции и превращает ее в психологию. Философия естественного права, полагал Новгородцев, есть наука должных отношений, а не причинных связей. «Для великого дела возрождения естественного права, помимо создания науки политики права и прежде этого, есть две других задачи: во-первых, философское обоснование и уяснение своих основ, согласно требованию нашего времени, а, во-вторых, углубление в духе этих основ и на основании сознательного методологического плана существующей юриспруденции».

Опыт реформы юриспруденции путем превращения ее в опытно-психологическую науку признавали неудавшимся и отвергали во имя автономии юриспруденции и Б.Н. Чичерин, Б.А. Кистяковский, Е.В. Спекторский. Делали они это (как и Новгородцев) в связи с рассмотрением философского вопроса о реальности вообще и реальности права в особенности. Спекторский и Чичерин критиковали феноменологию правовых явлений, развитую Петражицким в книге «вчерки философии права», где обсуждаются возможности правовых отношений жителя Земли с марсианами, с дьяволом и лешими. Раз право — психологическое явление и его элементы суть элементы психологического акта, то и здесь действуют нормы права, существует действительное правоотношение.

Юрист, желающий быть и оставаться таковым, по убеждению Новгородцева, Спекторского, никак не может согласиться с такими выводами. Но чтобы вскрыть основное недоразумение психологической волевой теории права, необходимо, согласно Спекторскому, поставить чисто философский вопрос о том, что такое реальность вообще и как относится реальность, признаваемая или создаваемая наукой, к той реальности, которую мы называем эмпирической деятельностью. Чичерин высказывался по этому поводу более определенно: психологические факторы имеют интересную особенность — то, что составляет факт для одного, вовсе не является фактом для другого.

И здесь он совершенно прав. Изымая из права нравственные показатели, мы лишаем право таких характеристик как общезначимость и объективность. Без нравственности нет права. Действительно, как психологические факты, глубокомысленные выводы мудреца и бред маньяка-изувера или сумасшедшего вне нравственного отношения к человеку как самоценности имеют одинаковое, равноценное, а подчас даже и преимущественное для убийцы значение.

Рассматривая принцип личности как нравственную основу человеческого общения в том значении, в каком это понимал В.С. Соловьев в «Оправдании добра», т.е. как единственную нравственную норму и цель, Новгородцев отмечает следующее: «Стоит отринуть понятие от этой цели, и мы приходим к необходимости узаконить произвол субъективной и изменчивой человеческой воли; и все равно, будет ли это воля индивидуальная или коллективная, воля личная или народная; не может быть источником твердых норм, если она сама не признает над собой какой-либо высшей и твердой нормы»⁶. А норма эта, по Новгородцеву, только идея человеческой личности.

В философско-правовой концепции Павла Ивановича Новгородцева чрезвычайно интересны две ее стороны: 1) разработка теории правового государства и 2) попытка теоретического согласования (свойственная затем многим представителям классического либерализма в русской философии права) и даже обоснования гармонии между законом и нормативным актом, естественным и позитивным (историческим) правом. Новгородцев подчеркивал, что противопоставлять их нельзя, второе просто выполняет служебную роль, подчинено первому. Нормативный акт — лишь подкрепление, осуществление принципиального свода законов, цель которых — выразить в конституции идею защиты свободы, независимости и самоценности человеческой жизни.

Суть самой идеи права Новгородцев видел в следующих моментах, подчеркивающих ее философскую сторону: 1) право как историческое, общественное явление (и эта точка зрения, по Новгородцеву, вполне уместна; 2. праве как явление и закон личной жизни, как внутренняя абсолютная ценность человека-Понимание права не только как факта социальной жизни, но также как нормы и принципа личности («этой внутренней сущности права, независимой от временных условий его общественного развития и от определений положительного закона»)⁸ — для Новгородцева самое важное. Почему? Да потому, что именно здесь, по его мнению, следует искать ответ на вопрос об источнике обязательности актов государства. Это именно философский вопрос, так как рамками государства здесь не обойтись. «Закономерное объявление государством своей воли есть не более как момент формальный, являющийся средством к распознаванию обязательных актов, но не источником их обязательности. Когда же мы ищем этого источника, мы должны выйти за пределы той воли, которая подлежит ограничению»⁹. Что касается практического определения права, то оно, считает Новгородцев, данным давно у юристов есть и вполне соответствует своей цели — «служить и распознавать право и бесправие в том виде, как их разграничивает государство»¹⁰.

В чем состоит ограничение воли государства? Прежде всего — в связанности своим же правом, в подзаконности, т.е. в подчинении справедливому и общезначимому закону, а не произволу отдельного человека; в соблюдении норм, которыми государство связывает подвластных. А это уже нравственная максима философского порядка, ибо в ней рассматривается изначальная установка государства по отношению к человеку, к его жизни и свободе как ценности, цели, а не средству, с которым можно обращаться как угодно. И именно в этом смысле такое рассмотрение права — естественное, так как в нем учитываются исходные, неотъемлемые и неотчуждаемые права человека. «Эта связанность вытекает не из самоограничения государственной воли, которая сама по себе совершенно свободна, а из права естественного, которое стоит над государством и направляет его деятельность»¹¹.

На практике эти, казалось бы, отвлеченные принципы проявляются так: 1) государство все более склоняется перед властью права и признает его руководящим началом своей жизни. «Во имя права всемогущее некогда государство вынуждено допустить в качестве непререкаемой границы своего господства свободную человеческую личность; оно должно признать пред собою священную область внутренних помыслов и чувств, область

личного самоопределения, недоступную для государственного вмешательства»¹². 2) Государство должно отказаться от своей исключительности и замкнутости, подчиниться высшему принципу международного общения и допустить рядом с собою права других государств и народов¹³.

Вот здесь-то и можно проследить конкретные связи между отвлеченным принципом и социально-политической жизнью, предметно обосновать механизм взаимодействия права естественного и права положительного, гармонию между законом и нормативным актом. Такого рода поиски возможны только тогда, когда естественная справедливость не является радикальным отрицанием реальной практики, а, наоборот, становится нравственным основанием положительных законов. Именно «таким образом между естественным и положительным правом устанавливается прямая связь»¹⁴.

Анализируя те факты, которые заставляют утверждать связанность государства правом, полагает Новгородцев, мы должны прийти к заключению, что только естественно-правовая теория может объяснить эту связанность¹⁵. Почему? Потому что именно наличие в праве и поддающихся лишь весьма медленному преобразованию элементов служит тем «правовым критерием» для оценки волевых актов государства, которые с формальной точки зрения представляются непререкаемыми. «Быть может, самым ярким примером постоянного и непререкаемого для современного культурного правосознания элемента в праве являются права личности, которые в новое время получили характерное название неотчуждаемости прав. Отрицание их лежит вне сферы реальной власти культурного государства. Такие постоянные элементы существующего правопорядка являются как бы материальным пределом законодательной воли государства. Это сознание некоторых постоянных и твердых элементов правопорядка нашло для себя яркое воплощение в идее конституций и конституционных гарантий»¹⁶.

Это различие Новгородцевым постоянных и изменчивых элементов в праве, в частности, в конституции, на мой взгляд, очень существенно. Именно первые заслуживают пристального внимания законодателей. Остальное — процедурные подробности, которые можно совершенствовать до бесконечности. Взять для примера конституцию США — вот уже 200 лет она остается неизменной. Весь вопрос в том, чтобы законодатель установил, что следует считать постоянным и ценным, определяющим дальнейшие конкретные улучшения законом, по сути, задающим алгоритм дальнейшим усовершенствованиям в конкретной социально-политической жизни человека и общества.

П.И. Новгородцев прослеживает истоки концепции правового государства, ее фрагменты в истории социально-политических идей на примере древнегреческой мысли (особенно это касается софистов, Платона, Аристотеля), концепций Фомы Аквинского, Марсилия Падуанского, мыслителей Возрождения и Нового времени.

Основные же моменты концепции Новгородцева таковы: 1) верховная власть едина и неделима в том смысле, что она не должна и «не может допускать другой власти, стоящей над нею или рядом с нею». Однако она имеет свою границу в том, что не распространяется на 2) неотчуждаемые права личности, охраняющие не только жизнь человека, но и его свободу «мысли и совести» от возможных бюрократических злоупотреблений. По словам Новгородцева, «эта идея суверенитета народа и личности: верховная власть всегда имеет свою границу в правах граждан»¹⁷. 3) Между правом, личностью и государством существует договор об этих правах на жизнь, свободу и независимость, подкрепленный «народовластием и парламентаризмом»¹⁸, в конституции. 4) Гарантией выполнения договора и прав является разделение функций властей: законодательной, исполнительной и судебной. Законодатели, писал Новгородцев, не должны быть одновременно и исполнителями закона; власти должны быть строго разграничены, чтобы в противном случае не пострадала народная свобода. При этом законодательное собрание — лишь временный орган народной власти. 5) Децентрализация в социально-экономической и культурной сферах. При этом защиту прав граждан берут на себя демократические ассоциации — гражданские и политические. Они становятся посредниками между центральной властью и различными слоями общества, представляя интересы последних, отстаивают неотчуждаемое право граждан на независимость и свободную инициативу, которое является подзаконным. Осуществлению прав человека служат также: 6) Свобода печати. 7) Отделение суда от

администрации, так как, по Новгородцеву, законодательной власти нельзя предоставить исполнение изданных ею законов: это было бы для нее большим соблазном. Именно здесь коренится опасность того, что Токвиль называл «демократическим деспотизмом», а Новгородцев — «деспотизмом парламента».

Новгородцев, на мой взгляд, в концепции правового государства, в отличие от западных мыслителей, в наиболее четкой и осознанной форме подчеркивает необходимость ясного понимания положения о разделении властей. Именно разделении, а не обособлении. Это очень важный момент, так как конфликты между законодательной и исполнительной властями в любом случае дестабилизируют обстановку в стране, создают опасность узурпации власти той или иной стороной, способствуют появлению диктатора. Государство не сможет обеспечить права граждан, если нет возможности законного воздействия властей друг на друга или, напротив, есть одностороннее преобладание одной власти над другой; если отсутствуют юридические противовесы на этот случай в виде выработанных норм посредничества.

Новгородцев подробно рассматривает эту конкретно-правовую ситуацию на примере английской политической жизни и предостерегает от того, чтобы считать принцип разделения чуть ли не единственным и отличительным признаком правового государства. Даже Монтескье — один из ярчайших представителей этой теории — никогда не полагал разделение властей тем чудодейственным принципом, который автоматически обеспечивает благополучие в государстве. Он видел основу всех законов в нравах народных и в той совокупности условий — естественных, политических и бытовых, которые определяют их характер, определяют то, что он называл «духом законов».

В чем, по Новгородцеву, связь естественного права с правовым государством? Идеи права — с социальной реальностью? В том, что естественное право, утверждая истинные (общечеловеческие) ценности, опровергает мнимые, ставит заслон обожествлению преходящих ценностей, отмечает разного рода идола и культы, губительные для человека и приводящие к перенапряжению социально-политической жизни. Естественное право способствует устранению перекосов, односторонних подходов, привилегий, узурпации, вообще всякого рода пагубных «преувеличений» и «увлечений» «бранными» выгодами в реальной политике.

Вместе с тем единое право, одинаково обязательное для всех, одинаково господствующее над слабыми и сильными, требует, по Новгородцеву, и единой власти. Это тоже существенный момент правового государства. «Под единою властью здесь не разумеется, конечно, власть единоличная»¹⁹.

И здесь у Новгородцева приводится очень любопытное, на мой взгляд, увязывание принципа единства верховной власти с принципом разделения властей. Единство власти — в способности ее эффективно решать возникающие проблемы, защищать насущные, «естественные права» граждан на жизнь, свободу, независимость и честь (первейшая обязанность!). А для этого необходимы следующие средства, связанные с другим принципом правового государства — суверенитетом народа и личности: гарантированная юридическая независимость последних от государства, предоставление людям и организациям возможности самостоятельно, плодотворно и оперативно решать собственные постоянно возникающие проблемы. В политической жизни, экономике и культуре это означает, говоря современным языком, децентрализацию власти: перераспределение власти из центра к периферии, к самым разным социальным группам. Решение проблем — ближе к самим проблемам отдельных людей, а значит, и проблемам в целом. Дело не в том, что государство отказывается от власти. Напротив, государственная власть только усиливается, так как ее действия становятся в конечном счете более эффективными²⁰.

Значит, единство власти заключается в способности граждан свободно принимать собственные решения, в допущении инакомыслия, сопряженного, однако, с принятой в стране конституцией, т.е. такого же подзаконного, как и сама верховная власть. Иначе решения не плодотворны, и власть в конце концов терпит крах и перестает быть единой, распадается. При внешнем единстве, «внешнем могуществе» процветает лицемерие, рабское притворство, а внутренне свободное решение, основанное на твердом убеждении, т.е. реальная, а не показная поддержка правительства — отсутствует. Внутренние разногласия и соперничество могут разрушить внешнее единство, тогда как внутреннее единство, допуская внешние расхождения

во мнениях, но будучи подзаконным, приводит к сотрудничеству в деле общественного благополучия, а Ее к узко-фракционной борьбе за власть.

В этом случае, по Новгородцеву, естественное право, находящее свое выражение в правовом государстве, «есть принцип вечного развития к совершенствованию. Этот принцип одинаково устраняет и этический консерватизм, и этическую утопию земного совершенствования»²¹. Отсюда и сущность естественно-правовой идеи, состоящая, прежде всего в ее критическом духе. Она знаменует собою независимый и самостоятельный призыв к усовершенствованию и реформе во имя нравственных целей. «Мораль устанавливает свою особую закономерность, вытекающую из идеи долженствования, а эта идея обращается к человеку...»²². Из этого следуют и цели правового государства, истории и человечества: «Не гармония общественного совершенства, а свобода бесконечного развития, вот что является здесь выражением стремления к идеалу. Но когда мы в этом смысле понимаем высший идеал, мы отказываемся рисовать какую бы то ни было конкретную картину конечного совершенства; мы говорим, что перед нами бесконечная цепь развития»²³.

При этом разрешение социального вопроса дается не одной политикой, а всеми средствами нравственного прогресса, ибо не существует абсолютных политических формул и форм, заключает свою мысль П.И. Новгородцев, «Принцип принуждения ставится здесь в связь не с высшими задачами нравственной солидарности и совершенного общения, а исключительно с целями правовой охраны»²⁴.

Принцип законности, господство знающих, естественное подчинение им остальных во имя высшего совершенства — таковы основания идеи права, этого политического идеала, полагал П.И. Новгородцев.

В чем насущность идеи права сегодня? С точки зрения социально-политической практики, вопрос риторический. Необходимость порядка, гарантированной защищенности конкретной человеческой жизни понятна каждому. Это очевидно. Но есть и другая сторона вопроса, которую пристально рассматривал П.И. Новгородцев. Все его творчество свидетельствует о том, что у этой очевидности должны быть и ясные философско-правовые основания. Иначе конкретная человеческая жизнь — не только в долгосрочной перспективе, но и каждое мгновение — не будет обеспечена ни онтологически, ни социально, ни экономически. Без стратегии — нет тактики, и это аксиома.

И наиболее впечатляющее доказательство этой аксиомы проводится Новгородцевым в его последней книге «Об общественном идеале», воплотившей, подобно книге «Кризис современного правосознания», и прозрения философа, и опыт политика. Известно, что Новгородцев принимал участие к работе I Государственной Думы, был одним из лидеров организованной в октябре 1905 г. на основе «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» партии «бело-зеленых» — кадетов, или конституционных демократов (с апреля 1906 г. — «Партия народной свободы»). Кстати, работа Новгородцева «Идеалы партии народной свободы и социализм» — программная по своей сути — это во многом тезисное изложение некоторых основных положений его лучшего труда «Об общественном идеале».

Пафос книги в том, что государство — не только средство классового подавления, но и средство классового согласия. В противном случае его существование в истории просто необъяснимо²⁵. И только в рамках правового государства возможны любые социальные улучшения, в основе которых — не утопия земного рая, превращающая жизнь в ад и ведущая граждан к нравственному вырождению, а идеал единства социально-политического реализма и божественных начал человеческого духа. Земля и небо, считал Новгородцев, должны быть связаны, а не разъединены. «Забыть одно для другого значило бы лишить общественный идеал одного из необходимых элементов, сделать его или бесплотным, или бескрылым. Общественный идеал должен отпираться от идеи осуществления абсолютного в относительном, и с мыслью об этом осуществлении — всегда частичном и неполном, и поэтому постепенном и уходящем в бесконечность — связать свои выводы и требования»²⁶.

За определенным образом организованным социально-политическим знанием, идеей права должна стоять истинная, предметная, уже состоявшаяся реальность, а не отдаленный, отвлеченно-прекрасный, созерцательный, а потому как угодно и исходя из потребностей момента трактуемый идеал, бескачественный абсолютизм. Если все человеческие ценности — в «грядущем идеале», а сам идеал — в будущем, которое всегда «завтра», или еще в каком-нибудь «сверхсуществовании», то лично от отдельного человека ничего не зависит и никаких «общечеловеческих ценностей» в современной действительности, «сейчас» — просто нет. Когда говорят об утопии, социально-политическом идеале, которого нет в наличии, и в то же время об общечеловеческих ценностях, которые можно и должно отстаивать уже сейчас, то это значит одно из двух. Или строится внутренне противоречивая политологема, или с ее помощью обосновывается право на политическую и юридическую вседозволенность, на нарушение прижата правового государства «подзаконное™ всех и вся», на оговорки «как правило» и «в виде исключения». Конкретная идея права несовместима с отвлеченным идеалом, потому что говорит не о созерцательном благе «всех» в будущем, а о достижении отдельных прав «каждого» в настоящем не только средствами философской теории, но (что самое главное!) практическими методами права, организации общества, быта, хозяйствования и т.д.

Классическая русская консервативно-либеральная философия естественного права — неотделимая часть общей русской (и мировой) философской мировоззренческой культуры. Более того, рассмотренная отдельно, философия естественного права в России становится непонятной и даже противоречивой до самоисключения, т.к. неясны причины ее возникновения. В самом деле — русская действительность, казалось бы, не дает никаких оснований для возникновения правовой мысли... Да, русские мыслители, прекрасно разрабатывавшие социально-правовую идею свободы и независимости человека, вполне осознавали трагическую отдаленность социальной практики от этой идеи, я бы даже сказал, отчужденность, глухоту и неприязнь практики к идее. И осознавали, мужественно глядя правде в глаза. Отсюда, кстати, и частые обвинения в чужеродности, заимствованиях, «анархизме» — мол, русская реальная действительность очевидно не соответствует, в силу ее неустойчивости и неправового характера этим теориям. Все эти обвинения справедливы, если считать, что мысль человека несвободна или чем-то там «обусловлена» и должна отражать — действительность, передовые интересы и т.д., а философия — безропотная служанка идеологии и политики, которые соответствуют такой действительности («русскому безобразию», как писал Ф.М. Достоевский). А если не считать? Если мысль — не «благодаря», а вопреки? Здесь, как говорят в логике, русские мыслители строят доказательства «от противного». Хорошо выразил эту мысль В.С. Соловьев: «Не искушаться видимым господством зла и не отречься ради него от невидимого добра есть подвиг веры. В нем вся сила человека. Кто не способен на этот подвиг, тот ничего не сделает и ничего не скажет человечеству». Русская правовая мысль как раз и являет собой пример такого подвига. Ее основные положения я бы выразил так.

I. *Русская традиция в философии.* Существуют общие принципы русской философии, основанные на благоговении перед внутренним «невидимым» миром человека в его гармонии с миром внешним — социальным и природным. Одно не отрицает и не замещает другое. Эти принципы утверждены образом жизни, в интуициях и в научных выкладках таких мыслителей как П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л., Франк и др.

II. *Жизнь и «живая идея».* Существует конкретное осуществление этих принципов в прикладных исследованиях русских изыскателей — гуманитариев и естественников. Любая теория, чтобы не быть голословной, помимо объявленных широкообъемных принципов должна иметь проявленный, апробированный в прикладной науке результат в виде уже имеющегося опыта решенных и решаемых проблем. И именно такие работы в России были в конце XIX—начале XX вв., в которых убеждения в абсолютной значимости человека, его жизни и свободы служили основой в научном творчестве и обыгрывались на материале историко-культурных, экономических, языковедческих, социально-политических, юридических и иных реалий.

III. *Русская консервативно-либеральная философия естественного права.* Существует социально-правовое направление этих изысканий — русское естественное право, сторонники которого разрабатывали свою концепцию человека и правового государства. Правовое государство, согласно этим взглядам, подзаконно и ограничено в своей власти, т.к. существует

недостижимая для притязаний любого государства область. Это — внутренний мир человека, его неотъемлемые мотивы, идеи, устремления, понимаемые в качестве неотчуждаемых политических и гражданских прав, закрепленных законом в конституции.

Творчество Новгородцева — своеобразная попытка преодоления трагического разрыва, противоречия между правовой теорией и социальной практикой. Как сблизить право и социальную реальность, сделать их нравственными, т.е. повернуть к человеку и содействовать их совместному служению? Только с помощью культуры духа, культуры свободного осознанного выбора, культуры свободной мысли, независимой внутренней жизни человека, в конечном счете идеи права как определенной философии — этого величайшего дара. Быть агрессивным или миролюбивым — это внутренняя «правовая» установка. Последнюю (миролюбивую) человек имеет не «благодаря» среде, а несмотря ни на что, ни на какие «неблагоприятные условия»: «Свободный Дух дышит, где хочет».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹О других представителях этой школы см.: *Шамиурин В.И.* Человек и государство в русской философии естественного нрава // *Вопр. философии.* 1990. Мс 6. С. 132—140.

²А. Валицкий полагает, что Новгородцев как глава неоидеализма в русской философии нрава был учеником Б.Н. Чичерина, а как теоретик он многим обязан В.С. Соловьеву. «Его мысль всегда была прикована к проблеме соотношения относительного и абсолютного, относительных и абсолютных ценностей. Он очень глубоко осознавал опасности как исторического, так и культурного релятивизма, разрушающих самые основы объективной истины и лишаящих людей воли к переменам в их социальной жизни в соответствии с непреходящими, сверхисторическими установлениями справедливости. Но он также очень ясно понимал и опасность возвеличивания относительных ценностей во имя чванного догматизма и социального утопизма... Окончательное решение проблемы противостояния; относительного и абсолютного он нашел в религии и считал, что именно христианство утверждает абсолютное нравственное основание, предостерегая в то же самое время против ереси миллениаризма, против попыток рассмотрения Абсолюта в земном осуществлении и воплощении в истории» (*Walicki A.* *Legal philosophies of Russian liberalism.* Oxford. 1987. P. 299).

³*Новгородцев П.И.* Об историческом и философском изучении идей // *Вопр. философии и психологии.* 1900. Кн. 54. С. 668—669 Этот подход, на мой взгляд, удивительно созвучен концепции Эдмунда Верка — английского публициста, государственного деятеля и философа, автора памфлетов против Великой французской революции (1729—1797). Сейчас Э. Берк — несомненный и безоговорочный авторитет в неоконсерватизме.

⁴*Трубецкой Е.Н.* Философия права Л.И. Петражицкого // *Вопр. философии и психологии.* 1901. Т. 57. III 2. С. 32—33. Его правоту подтвердила жизнь. Известно, что в кружок Петражицкого входил марксист профессор М.А. Рейснер, после Октябрьской революции — заместитель наркома юстиции. Затем А.Я. Вышинский, будучи у власти, по сути довел эту теорию до логического конца и применил ее на практике. Психический факт, т.е. признание обвиняемого, превращался в факт судебный — приводил к осуждению.

⁵*Новгородцев П.И.* Психологическая теория права и философия естественного права // *Юрид. вестн.* 1913. Кн. 3. С. 28.

⁶Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 237. В этом плане «законник» Новгородцев удивительно солидарен с «анархистом» Н.А. Бердяевым, которого, кстати, часто упоминает в своих сочинениях. Так, Бердяев писал: «Когда личность и свобода ее ставятся в зависимость от воли людей, когда признается суверенность какого бы то ни было человековластия, личность теряет свой абсолютный характер, а права ее на свободу падают от случайных человеческих желаний, от человеческой субъективности, от человеческих страстей. Тогда субъективная воля пролетариата ли, царя или иной человеческой власти может лишиться личности и свободы совести, и права на жизнь, и всякого права» (*Бердяев Н.А.* *О народной воле // Опыты философские, социальные и литературные (1900—1906).* М., 1907. С. 421).

⁷*Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права // *Проблемы идеализма.* М., 1902. С. 281.

⁸Там же. С. 279.

⁹*Новгородцев П.И.* Государство и право // *Вопр. философии и психологии.* 1904. Кн. IV (74). С. 435.

¹⁰Там же. С. 414.

¹¹Там же. 1904. Кн. V (75). С. 512.

¹²Там же. Кн. IV (74). С. 397.

¹³Там же.

¹⁴*Новгородцев П.И.* Политические идеалы древнего и нового мира (Очерки по истории философии права). Вып. П. М., 1913. С. 38.

¹⁵*Новгородцев П.И.* Государство и право // *Вопр. философия и психологии.* 1904. Кн. V (75). С. 513.

¹⁶ Там же. С. 514.

¹⁷ *Новгородцев П.И.* Учения Нового времени Из лекции по истории философии права). Вып. Щ. М., 1904; С1 107.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 50

²⁰ Государство и организация общества должны учреждать парцеллизацию власти», — пишет современный английский исследователь П.А. Холл (Hall P.A. *Governing the economy, the politics of state intervention in Britain a. France.* Cambridge, 1956. P. 265). Особенно активно и плодотворно эта тема разрабатывалась в русской философии права Б.А. Кистяковским и СИ. Гессеном.

²¹ *Новгородцев П.И.* Учение Канта о праве и государстве // *Вопр. философии и психологии.* 1901. № 3 (58). С. 353.

²² Там же. С. 355—356. Кн. Е.Н. Трубецкой писал о взглядах Новгородцева на естественное право следующее: «Я не могу не согласиться с ним в одном: естественное право не есть кодекс неподвижных и неизменных требований, и это уже потому, что право как порядок внешний есть сфера благ относительных, условных, а следовательно, и конкретные требования добра, предъявляемые к правовым нормам, должны быть условны, изменчивы, потому что безусловное добро не может вместиться в рамки какого-либо внешнего порядка» *Трубецкой Е.Н.* Новое исследование о философии права Канта и Гегеля // *Вопр. философии и психологии.* 1902. № 1 (62). С 603.

²³ *Новгородцев П.И.* Идеалы партии народной свободы и социализм. М., б.г. С. 10.

²⁴ *Новгородцев П.И.* Политические идеалы древнего и нового мира. Вып. I. М., 1914. С. 12.

²⁵ Эту же мысль активно подчеркивал и другой представитель «Партии народной свободы» Б.А. Кистяковский в работе «Государство правовое и социалистическое» (см.: *Вопр. философии.* 1990. № 6. С. 141—159).

²⁶ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. Вып. I Изд. 4. Берлин, 1922. С. 41. Недавно эта книга была переиздана. См. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале М.: Правда, 1991.

Книжная полка социолога

АБДОКОВ С.А. Общество. Политика; Студент. Ростов н/Д.: Изд-во Рост, ун-та, 1992. 84 с.

АМЕЛИН ВН. Социология политики: спецкурс. М.: Изд-во МГУ, 1992. 184 с.

Анализ возможностей выживания академической науки в кризисных условиях: май-июль 1992 г.

Оперативная информация. М.: РАН. Ин-т социологии, 1992. 84 с.

Анархия и власть: сб. М.: Наука, 1992. 175 с. (История социалистических учений)

БАЖЕНОВА Е.С. Китай в демографическом измерении. М.: Наука, 1992. 143 с.

Банк социологических данных —1992. Теоретико-методологические и исторические исследования. М.: РАН. Ин-т социологии, 1992. 114 с.

Введение в социологию науки: учебное пособие. Ч. 2. СПб.: Изд-во СПб. ун-та экономики и финансов, 1992. 50 с.

ГАЛЕВИ Д. Жизнь Фридриха Ницше / Пер. с фр. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 215 с.

ГАРИН И, Воскрешение духа. М.: Терра, 1992. 639 с.

ГОРДИЕНКО А.А. Человек и наука в региональной общности /РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т философии и права. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 145 с.